

боратории проводили теоретические и экспериментальные исследования по утвержденной для каждой из них теме, а отраслевые выполняли конкретные НИР по хозяйственным договорам с предприятиями. В 1975 г. при вузах Урала, подчиненных Министерству высшего и среднего специального образования Российской Федерации, функционировало уже 15 проблемных и 30 отраслевых лабораторий.

Таким образом, процесс институционализации науки на региональном уровне, проявившись как тенденция в период индустриализации, стал закономерностью, определявшей становление научно-индустриальной стадии производства. УЭР как промышленный центр эволюционировал и в региональный научный центр. Была заложена основа формирования РНПК. Оно характеризовалось взаимодействием между территориальным размещением производительных сил и организацией системы научных учреждений; последние создавались в основном в районах перспективного развития производительных сил. Следом за наукой в эти районы устремлялись организации, способствующие ускорению технического прогресса — конструкторские бюро, центральные заводские лаборатории, экспериментальные подразделения. В результате на Урале был создан значительный научно-технический потенциал, нацеленный на развитие, в первую очередь, базовых отраслей промышленности. Рост научно-технического потенциала сопровождался его перераспределением в рамках региона. В нем вырос удельный вес Оренбургской, Курганской Челябинской, Пермской областей.

Однако шаги, предпринимавшиеся во второй половине 1950-х — середине 1980-х гг. по преодолению разрыва между “научными столицами” и “периферией”, диспропорции между научно-техническим и промышленным потенциалом региона, были лишь первым этапом формирования РНПК. Географическая децентрация академической науки осуществлялась главным образом в пределах Свердловской области. Здесь было сосредоточено подавляющее количество академических научных учреждений. Недостаточной являлась научная база таких крупнейших промышленных центров, как Пермь, Челябинск. Долгие годы развивалась сеть НИИ, подчиненных министерствам и ведомствам, слабее развивались центральные заводские лаборатории, конструкторские бюро, экспериментальные предприятия, причем они играли вспомогательную роль по отношению к производству и не были нацелены на решение перспективных научно-технических проблем.

Примечания

¹ Формирование регионального центра академической науки на Урале явилось отражением мировой тенденции научно-технического развития. С конца 1950-х гг. научный потенциал США, а несколько позднее — Японии, Франции и других индустриально развитых стран — стал претерпевать глубокие структурные изменения в связи с организацией региональных исследовательских центров как основы научно-промышленных парков (Кавыгин Ю.М., Ботвин В.А. Проблемы развития и использования научного потенциала крупных городов. Киев, 1980. С.27–30).

*В.Н. Мамяченков
(Екатеринбург)*

УПРАВЛЕНИЕ ДЕНЕЖНЫМИ ДОХОДАМИ КРЕСТЬЯНСТВА УРАЛА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Денежный доход крестьянской семьи складывался из нескольких составляющих, главной из которых до второй половины 1950-х гг. была выручка от продажи продуктов сельского хозяйства, скота и птицы. Доля денежной оплаты за труд в общественном производстве в первые послевоенные годы была крайне незначительна. Так, в Башкирии в среднедушевом денежном доходе колхозной семьи доля доходов за работу в колхозе и МТС по нашим подсчетам составила: в 1946 г. — 1,4%, в 1950-м — 3,0%. По Оренбургской области эти цифры составляли, соответственно, 5,8 и 9,1%, а по Свердловской — 8,3 и 9,3%. Но это только относительные цифры. В абсолютном же выражении среднестатистический крестьянин-колхозник Башкирии получил от колхоза и МТС за 1946 г. — 11 рублей, а за 1950-й — 22 рубля. Соответственно колхозник Оренбуржья получил 69 и 77 рублей, а Свердловской области — 118 и 96 рублей¹.

О покупательной способности таких “денег” говорит следующее сравнение. В 1950 г. башкирский колхозник на свой годовой денежный доход от колхоза мог приобрести по государственным розничным ценам, например, из продуктов только 11 кг ржаного хлеба или 7 литров молока. Из одежды на эти деньги он мог себе позволить покупку разве что трех пар носков. Что же касается предметов домашнего обихода, то этих денег ему хватило бы на один эмалированный чайник. Немного лучше было положение крестьян и в других территориях Урала.

Конечно, крестьянин никак не смог бы прожить на такие мизерные деньги, не имея других поступлений. Помимо колхозных, его денежные доходы включали также поступления за сданные по обязательным поставкам и контрактации и проданные продукты, скот, птицу и пчел, доходы от работы по найму, а также пенсии и пособия от государства. Под пенсиями того времени мы имеем в виду пенсии по инвалидности и по потере кормильца, так как пенсии по старости колхозникам стали выплачиваться только с 1966 г. При этом нельзя не отметить, что аналогичные пенсии рабочие и служащие стали получать десятилетиями раньше, а именно с 1956 г. Размеры же указанных пенсий колхозников были просто мизерны и никак не обеспечивали прожиточного минимума: в первые годы после введения они составляли 12 рублей в месяц, а после неоднократных повышений спустя два десятилетия — в 1985 г. — 40 рублей². Но, даже и с учетом всех вышеуказанных доходов, суммарные среднедушевые доходы колхозников Башкирии в 1946 и 1950 гг. составили, по нашим расчетам, 1193 и 750, Оренбургской области — 1200 и 843, Свердловской — 1420 и 1022 рубля соответственно³. В приведенных цифрах отчетливо видна тенденция к снижению среднедушевых денежных доходов крестьянства в первом послевоенном пятилетии. Предельно низкий уровень денежных доходов предопределил неизбежность наличия у крестьян личных подсобных хозяйств (ЛПХ), за счет которых государство фактически заставляло крестьян обеспечивать большинство своих потребностей.

Конечно, такое положение было нетерпимым даже для жесткой командно-административной экономики. Поэтому в дальнейшем, особенно после 1953 г., положение стало меняться, прежде всего в Оренбургской и Свердловской областях. Так, в 1960 г. среднедушевые доходы колхозников Оренбуржья от работы в колхозе составили уже 51,3%, или 1474 рубля, а общий денежный доход — 2875 рублей. По Свердловской области аналогичные цифры равнялись соответственно 41,9%, 1273 и 3036 рублей. В то же время в Башкирии увеличение доли денежных доходов от колхоза было значительно меньшим: там при общем доходе 2453 рубля доходы от колхоза составили всего лишь 677 рублей, или 27,6%⁴. Эти данные полностью подтверждают наши выводы о том, что башкирские колхозники больше, чем колхозники других сравнимых областей, уделяли внимание своему ЛПХ и, соответственно, меньше работали в колхозе. В целом же удельный вес доходов от колхоза был на Урале достаточно высоким. Так, в 1959 г. самое низкое значение этого показателя по РСФСР было зафиксировано в Рязанской области — 18%, а наивысшее — в колхозах Алтайского края — 56%⁵.

Тем не менее, в абсолютном выражении денежные доходы за работу в общественном производстве были крайне низки. О том, насколько бесправным и униженным было положение колхозников страны в вопросе оплаты своего тяжелого труда, говорят такие факты. Например, чиновник самого низшего ранга аппарата Президиума Верховного Совета СССР (в должности консультанта) имел в то время месячный денежный оклад, равный 1100 рублям. За год он, следовательно, получал 13200 рублей (не считая различных мыслимых и немыслимых для простого человека льгот). Но это был даже не средний, а низший этаж иерархии советской номенклатуры. Высшие же партийные и государственные чиновники получали несравненно более высокие зарплаты и льготы. Так, министры вооруженных сил, государственной безопасности и внутренних дел с 1947 г. имели должностные оклады более 8000 рублей (более 800 рублей в «новых» деньгах), а прочие министры — от 5000 до 6200 рублей в месяц⁶. Таким образом, годовые денежные доходы этих чиновников измерялись многими десятками тысяч рублей в год. Не изменилось положение дел и в более поздние годы. Например, в конце 1970 гг. месячный оклад денежного содержания министра обороны маршала Устинова составлял уже 1360 рублей.

Не были обделены вниманием государства и прочие представители правящей бюрократии, а также те, кто ее охранял. Так, самый низший милицкий чин — рядовой милиционер — получал в год около 4000 рублей, а младший офицер милиции — более 5000 рублей, не считая различных льгот, таких, как право бесплатного проезда на всех видах городского транспорта, бесплатное обмундирование, хлебный паек и другие⁷. Есть данные, что личные шоферы И.В. Сталина также имели оклады до 5000 рублей в месяц и, кроме того, обеспечивались бесплатным обмундированием и питанием, квартирами⁸. Почти 3000 рублей в год составляло денежное довольствие военнослужащего — простого рядового войск МВД, охранявших многочисленные лагеря ГУЛАГа⁹. Нельзя сказать, что это были очень большие деньги, но и они (впрочем, как и доходы всех других категорий населения страны) были значительно выше доходов колхозников. Если же говорить о зарплате рабочих городских промышленных предприятий, то она со-

ставляла в те годы 3600–7200 рублей в год в зависимости от отрасли, квалификации, условий работы и других причин. Интересно, что обычный студент московского вуза мог получать стипендию в размере 400 рублей в месяц¹⁰.

Таким образом, денежные доходы крестьянства в какой-то мере были сопоставимы только с зарплатами младшего обслуживающего персонала (уборщиц, вахтеров, истопников и других), которые не пересматривались с 1928 г. и находились на уровне 200 рублей в месяц. В этой связи уместно сослаться на Постановление Совмина и ЦК ВКП(б) от 9 июля 1950 г., которым рекомендовалось устанавливать должностные оклады председателям колхозов в зависимости от размеров посевных площадей, численности голов скота и образовательного ценза самого председателя. Так, согласно этому Постановлению, председатель колхоза зернового направления с площадью посевов от 1000 до 1500 га мог получать всего от 950 до 1200 рублей в месяц, в зависимости от образования. Аналогичный оклад имел председатель колхоза животноводческого направления с численностью поголовья КРС не менее 250 голов и овец не менее 3000 голов¹¹.

Конечно, по большому счету, все так называемое советское общество было обществом бедных, так как даже его элита, составлявшая около 0,5% населения, имела доходы, не превышавшие средний уровень доходов, например, граждан США. Но даже на фоне этой всеобщей бедности материальное положение крестьян было катастрофическим, а и их денежные доходы выглядели удручающе низкими по сравнению доходами других категорий населения. Например, в 1950 г. зарплата колхозников в среднем по стране составляла: от зарплат ИТР — менее 15%, служащих — менее 30% и даже рабочих сельского хозяйства — менее 50%. Правда, этот разрыв в денежных доходах постепенно сокращался, но и в 1960 г. аналогичные цифры составляли соответственно менее 25%, менее 40% и менее 60%¹². В том же году среднемесячная заработная плата рабочих и служащих по всей стране составляла 80,6 рублей, а колхозников — только 28,3 рубля. Еще через пять лет, в 1965 г., среднемесячная заработная плата уральского колхозника равнялась 48 рублям, что составляло от зарплаты рабочих в промышленности — 43%, а рабочих совхозов — 67%. И даже в 1985 г. средняя зарплата колхозника Урала, равная уже 159 рублям, составляла, соответственно, только 79 и 91% от зарплат указанных категорий работников¹³.

Очень тяжелым ударом по денежным доходам крестьян явилась конфискационная денежная реформа, проведенная в декабре 1947 г. Достаточно сказать, что уровень денежных доходов 1947 г. у уральских колхозников был превзойден, по нашим данным, только в 1953 г. Одновременно с постепенным увеличением денежных доходов от колхоза происходил и процесс денатурализации оплаты труда, то есть снижения удельного веса натуральной продукции в общем фонде оплаты труда. Этот процесс продолжался и в 1960-х гг. Например, в 1961 г. доля натуральной продукции в фонде оплаты труда колхозников Свердловской области составляла 33%, а в среднем по колхозам России — 30%, а в 1965-м — соответственно 24 и 23%¹⁴. При этом быстрее, чем в других областях Урала, росли денежные доходы колхозников Свердловской области, которая по этому показателю занимала ведущее место на Урале.

Так как изменение денежных и натуральных доходов колхозников происходило, естественно, различными темпами и в различной направленности, то возникла необходимость в выведении суммарного показателя доходов колхозной семьи. Таковым явился так называемый совокупный денежный доход, в котором суммировались денежные доходы семьи, а также натуральные в пересчете на деньги по государственным розничным ценам. Хотя последнее обстоятельство и снижает, по нашему мнению, объективность данного показателя, он, тем не менее, достаточно адекватно отражает динамику доходов населения. Так, в 1960 г. совокупный денежный доход колхозной семьи составлял: в Свердловской области — 17 250 рублей, в Оренбургской области — 16 340 рублей и в Башкирии — 13 600 рублей при среднем значении этого показателя для РСФСР 15 840 рублей¹⁵. За исследуемый период разрыв в совокупных доходах между семьями колхозников и городских рабочих сократился, так как доходы колхозников росли более высокими темпами, но отставание продолжало оставаться существенным.

Следует также добавить, что доходы колхозников, как и доходы рабочих, состояли не только из одних доходов за работу. Здесь надо иметь в виду, что в денежных доходах и рабочих, и колхозных семей известную долю составляли выплаты, производимые из так называемых общественных фондов потребления (ОФП) в виде пенсий, стипендий, пособий по социальному страхованию, многодетным семьям, льготных путевок в санатории и дома отдыха, дотаций на содержание детей в детских яслях и садах и другие. Такие выплаты у рабочих промышленности

составляли примерно 13 процентов в общем объеме денежного дохода¹⁶. Доходы колхозников от ОФП составляли в относительном выражении примерно ту же цифру. Кроме того, многие городские рабочие, не говоря уже о рабочих совхозов, имели доходы от огородов и садов, находящихся в их личной собственности. А поскольку доходы от основной работы у рабочих были больше, то и разница в суммарных доходах колхозников и рабочих была весомой. Так, в 1959 г. только денежный доход (без учета потребленных продуктов от ЛПХ в пересчете на деньги) составил на семью рабочего промышленного предприятия по РСФСР 21 867 рублей¹⁷, что почти на 40% превышало весь совокупный доход колхозных семей. Если же проследить динамику денежных доходов среднестатистической рабочей семьи самой промышленно развитой на Урале Свердловской области в исследуемый период, то она будет выглядеть следующим образом: 1947 г. — 16 170 рублей, 1950 г. — 19 430 рублей, 1955 г. — 20 490 рублей и 1960 г. — 26 850 рублей¹⁸. Опять-таки не будем забывать, что сюда не вошла стоимость потребленных в семье продуктов ЛПХ.

Представляет также интерес сравнение совокупных доходов семей колхозников и семей работников совхозов. Например, в семьях рабочих совхозов Свердловской области этот показатель в 1960 г. составил 14 960 рублей¹⁹. Впрочем, и по РСФСР в целом аналогичная цифра составила всего 15 180 рублей²⁰, то есть тоже была несколько ниже, чем средний совокупный доход семей колхозников. Объяснить это можно, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, часть рабочих совхозов (особенно расположенных вблизи городов) не были привязаны к земле так, как потомственные крестьяне-колхозники, и зачастую не имели достаточных навыков в ведении многопрофильного ЛПХ. А, во-вторых (и это, видимо, главное), за свой труд в совхозе они получали заработную плату, сравнимую с заработной платой городских рабочих, что не создавало стимулов для интенсивной работы в личном подворье.

Таким образом, можно сделать вывод, что денежные доходы колхозников Урала в исследуемый период от работы в общественном производстве, то есть по основному месту работы, были значительно ниже доходов практически всех других категорий населения. С учетом натуральных доходов от ЛПХ в пересчете на деньги этот разрыв несколько сглаживался, но, по-прежнему, оставался значительным, за исключением такой категории, как рабочие совхозов, уровень благосостояния которых был примерно тот же.

Примечания

¹ Рассчитано по: РГАСЗ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.54, 56, 139, 141. Д.3714. Л.65, 66, 167, 168. ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.20, 21. Оп.14. Д.657. Л.13, 25.

² Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале. Свердловск, 1991. С.136.

³ Рассчитано по: РГАСЗ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.56. Д.3714. Л.167.

⁴ Рассчитано по: Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

⁵ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерномысе. 1950–1965 гг. Вологда, 1991. С.22.

⁶ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С.57.

⁷ Там же. С.43.

⁸ Дерябин П. Стражи Кремля. М., 1997. С.338.

⁹ Солганидлин А.И. Архипелаг Гулаг. Малое собрание сочинений в 8 томах. М., 1991. Т.7. С.151.

¹⁰ Королев Ю.А. Крестьянский советник. М., 1995. С.14.

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). М., 1983. Т.8. С.236–237.

¹² Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. № 1. С.107.

¹³ Уральская энциклопедия. Екатеринбург, 1999. С.265.

¹⁴ Безнин М.А. Указ. соч. С.176.

¹⁵ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х годов — начало 60-х годов. М., 1992. С.78; Текущий архив Госкомстата РФ.

¹⁶ Безнин М.А. Указ. соч. С. 18.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Рассчитано по: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.20, 21. Оп.14. Д.2. Л.199. Д.568. Л.792, 794, 796. Д.657. Л.13, 25. Д.2332. Л.51. Д.2743. Л.24. Д.3002. Л.58. Д.3009. Л.65. 99.

¹⁹ Рассчитано по: ГАСО. Ф.1813. Оп.14. Д.3002. Л.15.

²⁰ Безнин М.А. Указ. соч. С.205.

*В.Н. Мамяченко
(Екатеринбург)*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ УРАЛЬСКОГО СЕЛА ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Электрифицироваться колхозы Урала стали практически только в послевоенное время, так как накануне войны лишь 3,1% колхозов Урала были электрифицированы. По исследуемым же регионам этот показатель выглядел таким образом: Свердловская область — 9,9%; Башкирия